

МЯТЕЖНЫЕ ДЖУНГЛИ

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

МОСКВА

МЯТЕЖНЫЕ ДЖУНГЛИ

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Мятёжные джунгли / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Спецназ КГБ).

ISBN 978-5-04-221612-1

Семидесятые годы. В Никарагуа ширится национально-освободительное движение. Заручившись поддержкой США, кровавый диктатор Сомоса изо всех сил старается удержаться у власти. Его подручным удается схватить несколько повстанцев. Под охраной отборных головорезов их размещают в секретном лагере, чтобы позже устроить показательную казнь и снять ее на киноплёнку. О предстоящей акции становится известно советской разведке. На помощь пленникам направляется группа спецназа КГБ подполковника Вячеслава Богданова. Однако беспрепятственно высадиться на никарагуанский берег невозможно — район кишит людьми Сомосы. Чтобы выполнить задание, Богданов и его товарищи решают сыграть необычные для себя роли...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221612-1

Герилья — так называлось в Никарагуа национально-освободительное движение. По сути, это была революция — долгая, кровавая, унесшая десятки тысяч человеческих жизней. Длилась она долго — с начала шестидесятых и до самого окончания семидесятых годов двадцатого века. Против кого восстал никарагуанский народ? Против диктатора Сомосы. Верней сказать, за это время у власти успела побывать целая клика Сомоса. Все они были между собой родственники, власть, а вместе с нею и украденное у народа богатство передавалось из рук в руки — от одного Сомосы к другому. Богатство у семейства диктаторов все множилось, а народ становился все беднее.

Стоит ли говорить, что за спинами семейки стояли американцы? Стояли откровенно и явно, американское правительство этого даже и не скрывало. Именно тогда родился придуман-

ный американцами афоризм, облетевший весь мир: «Сомоса, конечно, сукин сын, но это наш сукин сын». Пожалуй, за всю историю человечества не было афоризма циничнее и откровеннее.

И вот этого самого «сукина сына», а вернее, целое семейство «сукиных сынов» и поддерживало американское правительство — всей своей вероломной, безрассудной, жестокой мощью. У Америки в этих краях были свои интересы, и ей очень не хотелось упускать из рук такой лакомый кусок, как истекающая кровью и нищающая день ото дня Никарагуа.

Стоит ли говорить, что народ Никарагуа в конце концов восстал против диктатора Сомосы и его клики? Это была неравная борьба, и, теоретически рассуждая, она не могла закончиться победой восставшего народа. Ведь, по сути, народ боролся даже не против кровопийцы-диктатора, а против самих США. Давайте представим соотношение сил: с одной стороны — всемогущие Соединенные Штаты, с другой — немногочисленные и плохо вооруженные повстанческие отряды. По здравом размышлении такая самонадеянная герилья должна была захлебнуться в крови, при этом очень скоро.

Но не всегда здравое размышление одерживает верх. Есть в этом мире нечто такое, что сильнее всяческих здравых доводов и рассуждений. Есть не-

кий закон, по которому Давид вполне может одолеть Голиафа. Так случилось и в Никарагуа. Герилья победила! Правда, случилось это не за один день и даже не за один год. И ценою множества человеческих жизней.

А кроме того, победа герильи стала возможной потому, что восставшему никарагуанскому народу помогали в его борьбе. В числе главных помощников был Советский Союз. Это была разносторонняя и многогранная помощь. В первую очередь дипломатическая. Но не только. Была и другая помощь. Были поставки всего того, что в настоящее время принято называть гуманитарной помощью, были разнообразные специальные операции, в которых участвовали вооруженные советские отряды...

Много чего было, и большинство из того, что было и что в итоге привело восставший народ к победе, никогда не станет достоянием гласности. Потому что большая часть таких действий была строжайше засекречена. Возможно, в каких-то суперсекретных архивах и поныне пылятся документы и прочие доказательства на этот счет, но секретные архивы, как известно, способны хранить свои тайны веками... Лишь изредка, по какому-то случайному (а возможно, и преднамеренному) стечению обстоятельств какие-то отдельные моменты становятся известными.

Вот об одном таком моменте, а точнее сказать, об одной такой боевой операции с участием спецназа КГБ мы и расскажем. События, о которых пойдет речь, происходили в Никарагуа в начале семидесятых годов минувшего века. До полной победы сандинистов (так именовали себя революционеры) было еще далеко. Но тем не менее блестящая операция советских спецназовцев приблизила эту победу. Пускай и не особенно, а всего лишь на каких-то несколько шагов, но и это очень важно. Потому что это не просто сами по себе шаги, это спасенные человеческие жизни, сохраненные человеческие судьбы и вообще все то, что именуется победой.

*Леон, второй по величине
город Никарагуа*

Отряд под командованием Диего Пахаро прибыл в Леон, когда основательно стемнело. И сам Диего Пахаро, и его бойцы большей частью передвигались по ночам, под покровом темноты.

Днем они старались не показываться в людных местах. В этом был свой резон — Диего Пахаро и его бойцы были повстанцами, революционерами. Они боролись против кровавого диктатора Сомосы, подмявшего под себя всю многострадальную страну. Сомоса — враг серьезный и беспощадный, он окружил себя полицией, Национальной гвардией, сбродом из

разных стран, которые сами себя именуют «эскадронами смерти». Все это были враги Диего Пахаро и его отряда.

Но конечно, самым главным и самым страшным врагом были гринго, американцы. Без их поддержки и династия Сомоса, и Национальная гвардия, и «эскадроны смерти» — все они давно уже были бы свергнуты восставшим народом. Но пока что на никарагуанской земле были и гринго, и Сомоса, и «эскадроны смерти»... С ними и боролся Диего Пахаро со своими боевыми товарищами.

Конечно, таких отрядов было немало, но отряд Диего Пахаро был одним из лучших. И потому командование Сандинистского фронта поручало Диего Пахаро и его бойцам самые сложные, ответственные и рискованные операции.

Например, такую, какую им предстояло выполнить в Леоне. Здесь повстанцам предстояло ликвидировать Уго Монтеса — начальника местной Национальной гвардии. Уго Монтес был убежденным приспешником Сомосы и при этом таким же, как и он, кровавым палачом. Сколько людской крови он пролил в Леоне — да разве в одном только Леоне? Жители Леона и окрестных поселений трепетали от одного только имени Уго Монтеса. Он не различал, где виновные, а где безвинные, он не щадил никого. Командиры Сандинистского фронта говорили, что на таких, как Уго Монтес, и дер-

жится режим Сомосы. Правильно они говорили, все так и было.

Именно Уго Монтеса и предстояло ликвидировать отряду Диего Пахаро. А это — дело непростое. Тут необходима была кропотливая, многодневная подготовка. Такая подготовка была проведена. И вот наступил решающий этап операции. Этой ночью палач Уго Монтес должен был умереть...

В город Диего Пахаро вошел лишь с десятью бойцами. Большая часть отряда оставалась за городом, в глухом горном ущелье. Всему отряду в городе было делать нечего. Ликвидация одного человека, кем бы этот человек ни был, — дело тонкое, просто-таки ювелирное, и потому большого количества людей здесь не нужно. Здесь нужно действовать не числом, а умением. После ликвидации, разумеется, поднимутся шум и переполох, все выходы из города, конечно же, будут перекрыты, и потому попробуйте-ка выбраться за пределы города всем отрядом! В этом случае небольшой группой выбраться намного проще.

В город Диего Пахаро и его бойцы проникли удачно — многочисленные патрули их не заметили. Очутившись в городе, Диего Пахаро первым делом зашел в один небольшой дом на городской окраине. Это был не просто сам по себе дом, это была конспиративная квартира.

Здесь Пахаро ждали. Те, кто находился в доме, были подпольщиками, связными между городским подпольем и сандинистскими отрядами. Всего в доме было два человека — пожилой мужчина и девушка. Пахаро их знал в лицо, он встречался с ними раньше, выполняя различные задания в городе. Соответственно, мужчина и девушка также знали Пахаро. Впрочем, их имен Пахаро не знал — так же, как и они его истинного имени. В той войне, которая велась в стране, лучше было знать лишь прозвища повстанцев. Пахаро — это было прозвище, и означало оно Птица. Пожилого мужчину-связного звали Барба, что означало старик, а девушку — Гата, что означало кошка.

— Не зажигайте свет, — сказал Пахаро, входя в дом. Своих бойцов он оставил во дворе дома — нужно было прислушиваться к тому, что происходит во тьме, и всматриваться в нее. И к тому же совсем необязательно было каждому знать в лицо связных. Так было безопаснее. — Я — ночная птица. А ночные птицы не любят света. Темнота — вот что им нужно.

— Знаем, что нужно такой птице, как ты, — ответила Гата. — Здравствуй, амиго Пахаро. Как добрался?

— Здравствуй. — Пахаро на ощупь нашел в темноте протянутую руку девушки и нежно ее пожал. — Все хорошо, девочка. На этот раз нам

повезло, и патрули нас не заметили. Да если бы и заметили — тоже было бы все нормально. Я во вражеской военной форме. И мои люди тоже. Нас сложно в темноте принять за чужих.

— Если повезло с самого начала, то будет везти до самого конца, — отозвался из темноты мужской голос.

Это, конечно, был Барба. Пахаро и ему пожал на ощупь руку.

— Хотелось бы, чтобы так и было, — сказал Пахаро. — Здравствуй и ты, старик. Ну, и что вы мне скажете? Ничего не поменялось?

— Вроде нет, — ответил Барба. — В городе только и разговоров, что об Уго Монтесе. Вот, дескать, Сомоса недавно наградил его орденом и вдобавок выделил ему большое поместье. И еще подкинул денег. Американских денег, само собой. За верную службу. И нынешним вечером Монтес устраивает по этому поводу праздник. Большой, пышный праздник... Я думаю, праздник будет длиться до самой ночи. А может быть, и до самого утра. Уго Монтес любит пышные гулянки.

— Вот как — даже имение ему подарено? — Было слышно, как Пахаро хмыкнул в темноте. — И где же?

— Говорят, где-то в окрестностях Чинандеги, — ответил Барба. — Богатое, говорят, поместье. С плодородной землей...

— Значит, поместье, — задумчиво сказал Пахаро. — В окрестностях Чинандеги. Не так далеко от Леона... Что ж, тем лучше. Тем громче будет наш крик. По всему Никарагуа его будет слышно. Даже в Америке, пожалуй, услышат...

— Ты что-то задумал? — с тревогой спросила Гата. — Наверно, что-то очень опасное...

— Ну что ты, девочка, — мягко ответил Пахаро. — Так, пустышки...

— Знаю я твои пустышки! — сказала девушка. — Не бережешь ты себя.

— Ну, тут ты не права, — усмехнулся Пахаро. — Уж себя-то я берегу! Потому что если меня убьют, то кто будет воевать с существующим режимом?

— Другие будут воевать. — В голосе девушки угадывались слезы.

— То другие, — сказал Пахаро. — А то я. У меня с ними свои счета. Индивидуальные.

— Не бережешь ты себя, — повторила девушка.

Вместо ответа Пахаро протянул руку, дотронулся до лица девушки и нежно погладил ее по щеке. Конечно, он почувствовал и слезы на ее лице. Но ничего не сказал, лишь вздохнул и еще улыбнулся. Конечно, никто в темноте его улыбки не увидел.

— Ну, так я полетел, — сказал он. — Пожелайте мне счастливого полета.

— Желаем, — ответил Барба.

А Гата не сказала ничего. И Пахаро знал, почему она промолчала. Она промолчала потому, что любила Пахаро. А он любил ее. Они ни разу не говорили друг другу о своем чувстве, разве что намеками. Гата иной раз лишь вздыхала, а Пахаро грустно улыбался. И — ничего больше.

Леон, резиденция генерала Уго Монтеса.

Той же ночью

Генерал Уго Монтес, что называется, любил пожить. Роскошные апартаменты, дорогие автомобили, большие деньги. Само собой, не местная кордоба (их генерал и за деньги не считал), а исключительно американские доллары. А еще золото и всяческие драгоценности. Золото генерал Уго Монтес ценил еще больше, чем доллары. Деньги по большому счету — это всего лишь бумажки, а с бумажками всякое может случиться. Они могут обесцениться, сгореть в огне... А вот с золотом и алмазами не случится ничего. Они никогда не обесценятся, не сгорят в огне...

Конечно, золото нужно надежно хранить — ну да с этим вопросом у генерала проблем не было. Сейфы, в которых хранились генеральские драгоценности, были самыми надежными во всей Никарагуа. С тройным секретом! И находились они в таком месте, о котором знал лишь сам генерал. Оно, это место, было хитро устроенным: вроде бы и на

виду, но одновременно никому и в голову не придет, что там, в этом самом месте, находятся сейфы. О, генерал Уго Монтес был человеком умным и сообразительным, и уж он-то мог найти подходящее место для своих сокровищ!

Как эти сокровища попали в генеральские руки? Разными путями: что-то выделил ему диктатор Сомоса, что-то генерал добыл самостоятельно, разбойничьим способом, с кровью и смертями. По-всякому бывало.

По большому счету генералу Уго Монтесу было наплевать на Никарагуа, на Сомосу, на американцев и вообще на всю политику разом. Политика его не интересовала. Верней сказать, интересовала постольку, поскольку таким способом он мог добывать для себя доллары и золото. И если, допустим, завтра генерала позвал бы кто-то другой и предложил бы ему больше денег и больше золота, генерал тотчас же ушел бы и от Сомосы, и от американцев и стал бы верным слугой тому, кто его позвал на более сытные хлеба. К черту всякую политику! Богатство — вот самое главное, ради чего стоит жить! Можно сказать, что эти слова были жизненным правилом генерала Уго Монтеса. Они были его жизненным кредо.

А еще генерал любил пышные застолья. Особенно если выдавался подходящий случай. А сегодня как раз и был такой случай. Его наградили орденом, а вдобавок выделили поместье под Чинан-

дегой. Впрочем, что орден? К орденам Уго Монтес относился без особого почтения, считая их побрякушками, цацками и ничем больше. Конечно, он постоянно носил их на своем мундире, так как без этого было никак нельзя: генерал непременно должен быть при орденах, это придает ему солидности и авторитета. А на самом деле что взять с тех орденов? Одним словом, побрякушки.

Другое дело — поместье под Чинандегой. Генерал давно уже присматривался к этому поместью. Хорошее это было поместье: обширное, плодородное и богатое. Называлось оно Вальпараисо — Райская Долина. Конечно, у поместья был хозяин — такое добро не может быть бесхозным. И это был весьма влиятельный и авторитетный хозяин — даже клану Сомосы приходилось с ним считаться. Даже американцы, и те ничего не могли поделать с хозяином поместья, хотя и вели себя в Никарагуа как истинные хозяева.

А вот генерал Уго Монтес оказался куда ловчее и клана Сомосы, и американцев. Он поступил просто и эффективно: нанятые им люди просто застрелили владельца Вальпараисо. Верней сказать, взорвали автомобиль, на котором он ехал, и для верности выпустили в безжизненное тело несколько автоматных очередей.

Убийство, конечно, было громким, но и тут генерал Уго Монтес выкрутился самым ловким

способом. Он громогласно, на всю страну, заявил, что это убийство — дело рук повстанцев Сандинистского фронта. Ему поверили, да и как было не поверить? По всей стране шла вооруженная борьба против диктатора Сомосы и американцев, маячивших за его спиной. Сандинистские отряды то и дело нападали на поместья, судили по законам военного времени их владельцев (если владельцы загодя не успевали сбежать или скрыться), а все имущество раздавали местным крестьянам. Это были не просто разбойничьи налеты, это была социалистическая революция во всей ее величественной и кровавой силе. Так почему бы тем же сандинистам не расправиться и с владельцем поместья Вальпараисо? Они, сандинисты, рано или поздно просто-таки обязаны были это сделать — уж слишком роскошным и богатым было это поместье!

Неизвестно, поверил ли диктатор Сомоса своему генералу или только сделал вид, что поверил. Впрочем, это было и неважно. Главное было в другом. После недолгих откровенных намеков Сомоса подарил поместье генералу Уго Монтесу. Генерал знал, что все будет именно так: он, генерал, был нужен диктатору, как бывает нужен хозяину свирепый, кровожадный пес. Что значил диктатор Сомоса без генералов вроде Уго Монтеса? Кто безрассудно убивал бы многочисленных врагов Сомосы,

за чьей бы спиной прятался трусливый диктатор? Может, за американскими спинами? Как бы не так! Это прагматичные американцы стояли за спиной Сомосы и, следовательно, за спиной генерала Уго Монтеса. С них, американцев, станется. Они всегда хоронятся за чьими-то спинами, всегда загребают жар чужими руками.

Вот потому-то Уго Монтес был уверен, что поместье Вальпараисо достанется ему. Оно ему и досталось. Да, конечно, у убитого владельца поместья было множество наследников, но вряд ли они стали бы предъявлять права на наследство, зная, в чьих руках оказалось поместье. Наследники, сколько бы их ни было, прекрасно понимали, что с ними будет, если они вступят в спор с самим генералом Уго Монтесом. Так что генерал с полным основанием мог считать, что поместье Вальпараисо — его собственность. Ну а что он будет делать с таким богатством — будет видно. Может, продаст, если станет очевидно, что сандинисты одерживают верх, а может, повременит с продажей, если Сомоса при поддержке американцев сломит сандинистам шею. Поживем — увидим.

А пока следует отпраздновать это дело. Такое событие просто грех не отпраздновать. Тем более генерал Уго Монтес любил всевозможные празднества. Особенно такие, где он был главным действующим лицом. Сейчас как раз и был такой случай.

Конечно, генерал не мог праздновать так, как большинство прочих людей. Он был важной и значимой персоной, и, следовательно, нужно было позаботиться о множестве вещей. Где именно праздновать, в какое время, как обезопасить то место, где будет проходить праздник, кого пригласить на празднество...

Лучшее время для такого праздника, конечно же, вечер. Ну и ночь, потому что если праздник с размахом, то в короткий вечер он не уложится. Все истинные праздники случаются именно в это время. Что касается места, то и тут особых проблем не виделось. Для этого генерал снял лучший ресторан во всем Леоне, его подчиненные заранее проверили всех работников ресторана, изгнали тех, кто не внушал им доверия. Само же помещение ресторана и подходы к нему были нашпигованы отборной вооруженной охраной, причем часть охранников была в военной форме, а часть — в штатской одежде. Так что опасаться за безопасность самого генерала и его гостей не приходилось.

Почему именно в Леоне, а не в столице, в Манагуа? Генерал не любил столицу. В столице он не чувствовал себя самым главным и важным, таким там был Сомоса и еще всякие американские чины, вертевшиеся вокруг диктатора. Другое дело Леон. В этом городе генерал вполне мог ощущать себя полновластным хозяином. Здесь была его ре-